
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования¹

С.В. ЗАХАРОВ, Е.В. ЧУРИЛОВА

Опираясь на надежные источники статистической информации и выполненные на их основе количественные оценки, авторы пытаются ответить на следующие вопросы: какова реальная распространенность феномена одинокого материнства в России с учетом различных подходов к категоризации явления; в какой степени различаются социально-демографические характеристики женщин, воспитывающих детей в полных и неполных семьях; с какой вероятностью женщины с детьми переходят из одного брачно-партнерского состояния в другое; и в каком направлении менялась для ребенка средняя длительность воспитания в неполной семье за последние десятилетия. В статье использовались данные переписей населения, текущего учета рождений за длительный период времени, а также данные двух волн большого выборочного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), выполняемого в рамках международной программы сравнительных исследований ЕЭК ООН «Поколения и гендер».

Проведенный анализ не подтверждает широко распространенное мнение о росте числа неполных семей в России, хотя семьи одиноких матерей значимо представлены в структуре российских семей. В зависимости от применяемого определения доля одиноких матерей варьируется от 12% до 21%, а доля детей до 18 лет, проживающих в неполных семьях, от 10% до 25%. По большей части социально-демографических характеристик между одинокими матерями и матерями, воспитывающими детей в супружеском союзе, нет отличий, однако, одиноким матерям присущи специфические черты: больший опыт смены партнеров, меньшее число когда-либо рожденных детей, раннее сиротство в детстве, вариативность ценностно-нормативных ориентаций в области семьи и воспитания детей и большая экономическая уязвимость. Тем не менее для значительной части женщин одинокое материнство является временным состоянием, этапом для создания полной семьи. Динамичность одинокого материнства как состояния непосредственно отражается на условиях семейной социализации детей. Дети, родившиеся в неполных семьях, стали дольше воспитываться в полных семьях, а для детей, родившихся в полной семье, виден устойчивый тренд по увеличению средней длительности проживания в неполной се-

¹ В статье использованы результаты исследования «Формирование монородительских семей в послевоенных поколениях россиян: социально-демографический анализ», выполненного при поддержке Научного Фонда НИУ ВШЭ (Грант №11-01-0182).

мье. Результаты проведенного исследования подтверждают растущую неустойчивость брачно-партнерского состояния матерей из обоих типов семей. В то же время для детей в целом за последние десятилетия увеличилась вероятность и средняя длительность проживания в семье с небιологическим отцом, то есть в полной семье и, предположительно, с особым типом социализации.

Ключевые слова: одинокое материнство, материнская семья, полная и неполная семья, брачно-партнерский статус, вероятность смены брачно-партнерского состояния, длительность социализации детей в неполной семье, РИДМИЖ

Внимание российского общества и политиков к феномену одинокого материнства меняется волнообразно. Периоды обостренного отношения к данному явлению, характерные для 1940–1950-х гг. (реакция на массовое сиротство и рост внебрачного материнства) и для 1970-х гг. (реакция на быстрый рост разводов), сменялись периодами забвения, что, в свою очередь, оттесняло изучение происходящих процессов на периферию исследовательских интересов. В настоящий момент мы переживаем очередной всплеск интереса, инициированный усилиями государства по проведению активной демографической политики, центральными элементами которой стали финансовые и пропагандистские меры по повышению рождаемости. Как и в прошлом, обсуждение причин низкой рождаемости и возможностей ее повышения не обошлось без напоминания о «кризисе семейных ценностей», индикатором которого служит низкая стабильность брака, и констатации очевидного факта, что значительная часть детей появляется на свет и воспитывается в условиях, не вписывающихся в традиционные представления о нормальной семье.

Риторика официальных документов и выступлений представителей государственной власти все чаще смещается в сторону предложений о принятии неотложных решений по снижению числа разводов и изменению бракоразводного законодательства в стране с целью укрепления российской семьи и устранения «перекосов» в выполнении ею социализирующей функции, вызванных массовым распространением неполных семей [Чиновники хотят повысить 2013].

В то же время отечественное информационное пространство для дискуссий на данную тему слабо структурировано в смысле категориальной определенности, крайне ограничено в смысле научных знаний, и, зачастую, замусорено домыслами и непроверенными сведениями статистического плана. Так, к примеру, широкое распространение в интернете получили фантастические оценки численности матерей-одиночек в России (10 млн)², необоснованные сведения о росте числа неполных семей в постсоветский период³. Однако главный пробел в информационном поле российского дискурса заключается в полном отсутствии представлений об одиноком материнстве и неполных семьях как о динамическом состоянии для матерей и их детей; также очень слабо изучены механизмы формирования неполных семей с учетом структурных изменений, которые произошли в последние десятилетия.

В данной статье авторы, опираясь на надежные источники статистической информации и выполненные на их основе количественные оценки, пытаются

² <http://argumenti.ru/toptheme/n284/102077>

³ См.: [Синельников 2006].

ответить на следующие вопросы: какова реальная распространенность феномена одинокого материнства в России с учетом различных подходов к категоризации самого явления; в какой степени различаются социально-демографические характеристики женщин, воспитывающих детей в полных и неполных семьях; с какой вероятностью женщины с детьми переходят из одного брачно-партнерского состояния в другое; и в каком направлении менялась для ребенка средняя длительность пребывания (воспитания, социализации) в неполной семье.

«Мать-одиночка» или одинокая женщина с детьми? Статистическая оценка распространенности одинокого материнства в России

Согласно российским законам, одинокой матерью («матерью-одиночкой») признается только мать, получившая в органах ЗАГС специальную справку (форма № 25), подтверждающую статус матери-одиночки. Такая справка может быть выдана в случае, если при регистрации новорожденного не было предъявлено свидетельство о браке между родителями или отсутствует совместное заявление родителей о добровольном признании отцовства или не имеется решение суда об установлении отцовства. Кроме того, юридическим статусом одинокой матери наделяется женщина, которая усыновила (удочерила) ребенка, и не состояла в браке на этот момент.

Для получения статуса матери-одиночки в России важно, чтобы сведения об отце отсутствовали в исходном документе о *статусе ребенка* – актовой записи о его рождении с учетом всех изменений, внесенных позднее в эту запись (например, в соответствии с решениями суда об установлении отцовства или усыновлении).

В соответствии с действующим российским законодательством женщина не теряет статус матери-одиночки, если она выйдет замуж. Она перестанет быть «одинокой матерью» только в случае усыновления (удочерения) ребенка (детей) новым супругом.

Социально-демографическое положение одиноких матерей, определяемых на основе формальных критериев, априори будет разнообразным, поскольку реальное семейное положение женщин и фактические условия воспитания ее детей не принимаются в расчет.

Следует заметить, что не только сама женщина за редким исключением осведомлена, кто отец ее ребенка, но, как показывает специальное изучение этого вопроса на базе российского исследования «Родители и дети мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁴, и мужчины, вопреки распространенному мнению, в подавляющем большинстве случаев также осведомлены обо всех своих рожденных детях [Alich 2007]. Следовательно, выбор в пользу статуса матери-одиночки не только результат волеизъявления женщины-матери, но и шаг, предполагающий предварительное согласование интересов обоих родителей между собой. Мотивационная основа для принятия родителями такого решения достаточна сложная и не является предметом рассмотрения в данной статье⁵.

⁴ Характеристика этого исследования будет дана далее.

⁵ См.: исследования различных ситуаций проведенные качественными методами [Михеева 2012; Лунякова 2004; Киблицкая 1999].

Таблица 1. Категории женщин, в одиночку воспитывающих детей, юридически признаваемых и не признаваемых в качестве матерей-одиночек (одиноких матерей)

Наделяются статусом «одинокая мать»	Не признаются одинокими матерями
Женщина, родившая ребенка (детей) вне брака, и при условии, что отцовство ребенка не установлено (при регистрации ребенка в органе ЗАГС не предъявлено совместное заявление родителей или нет решение суда об установлении отцовства)	Женщина, воспитывающая ребенка (детей) в неполной семье в результате расторжения брака или овдовения
Женщина, родившая ребенка в браке или в течение 300 дней после расторжения брака, если отцом ребенка записан супруг (бывший супруг), но отцовство было успешно оспорено в суде	Женщина, родившая ребенка в течение 300 дней после расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга. В этом случае отцом ребенка признается бывший супруг, даже если он не является биологическим отцом ребенка.
Женщина, не находясь в браке, усыновила (удочерила) ребенка	Женщина, не состоявшая в браке и воспитывающая ребенка, отцовство которого было установлено (добровольно или в судебном порядке)
	Женщина, воспитывающая ребенка, отец которого был лишен родительских прав

В то же время и меркантильный интерес обретения юридического статуса матери-одиночки также имеет место. Обладательница справки по форме № 25 («одинокая мать») может проживать в брачно-партнерском союзе, а ее ребенок, соответственно, не имея «отца на бумаге», может воспитываться в благополучной полной семье, и такая семья может претендовать на дополнительные социальные пособия и льготы, положенные матерям-одиночкам. Чем сильнее социальная поддержка одиноких матерей мерами государственной политики, тем большую склонность проявляют женщины к обретению данного статуса. В этом убеждает и опыт зарубежных стран, расширявших материальную помощь одиноким матерям в 1970–1980-х гг. [González 2005], и даже современный российский опыт экспериментирования в области семейной политики на региональном уровне.

Впрочем, в России на федеральном уровне материальная поддержка матерям-одиночкам как специфической категории реципиентов в настоящий момент практически отсутствует. По сути, она сводится к двойному, но очень скромному стандартному налоговому вычету (в размере 2800 руб.) на каждого ребенка до 18 лет (учащегося очной формы обучения до 24 лет), а также к некоторым льготам, закрепленным в трудовом законодательстве (дополнительный неоплачиваемый отпуск, более жесткие условия для работодателя при увольнении, более гибкий режим труда и некоторые др.). Инициатива и ответственность за принимаемые решения в сфере дополнительной социальной поддержке одиноких матерей сейчас переданы регионам, но и на этом уровне она крайне незначительна [Ярская-Смирнова, Романов 2004].

Поэтому, если и имеется массовая заинтересованность в том, чтобы не декларировать признаваемое отцовство, то ее причины, в том числе и материального свойства, следует искать не столько в стимулирующих началах проводимой государственной политики, сколько в особенностях и тенденциях развития межличностных отношений между мужчинами и женщинами до наступления беременности, во время беременности и сразу же после рождения ребенка.

Поскольку статистическое наблюдение за феноменом одинокого материнства на федеральном уровне не ведется (отсутствуют статистический учет и разработка выдаваемых ЗАГСами справок по форме № 25), то мы достоверно не знаем, сколько в России официально признанных «матерей-одиночек» и как меняется год от года их число. Мы можем лишь грубо, демографическими методами оценить потенциальное число таких матерей, опираясь на данные ежегодной регистрации новорожденных в ЗАГСах, разрабатываемых статистическими органами по трем основным типам предъявленного документа, определяющего отцовство (см. Приложение 1): а) свидетельство о браке; б) совместное заявление отца и матери или решение суда об установлении отцовства; в) интересующее нас заявление одинокой матери⁶.

На рисунке 1 приводится наша оценка ежегодного изменения суммарной численности детей до 18 лет, зарегистрированных при их рождении на основании заявления одинокой матери, а также изменения доли данной категории детей в общей численности детей до 18 лет. Ввиду отсутствия необходимой информации в наших расчетах мы проигнорировали влияние ряда факторов. Мы вынуждены были принять, что: вероятность обрести юридического отца для ребенка, зарегистрированного на основании заявления одинокой матери, равна нулю; отсутствуют различия в смертности детей с установленным и неустановленным отцовством; внешняя миграция не оказывает влияние на изменение доли данной категории детей в общем числе детей. В рамках принятых допущений наши оценки, скорее всего, будут ближе к максимальной величине потенциального числа данной категории детей.

Итак, за последние двадцать с небольшим лет Россия пережила бурный рост абсолютного и относительного числа детей до 18 лет с юридическим статусом «без отца»: с 2,6 млн в 1989 г. до 3,9 млн в 2012 г. и, соответственно, с 6,5% до 14,5% от общего числа детей до 18 лет.

Для того чтобы от численности детей перейти к оценке численности матерей, их воспитывающих (матерей-одиночек), требуется учесть повторность рождения детей с данным статусом. Поскольку официальная статистика не позволяет рассчитать искомый коэффициент детности матерей-одиночек, обратимся к выборочным обследованиям. Российское исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (о нем еще будет сказано ниже) позволяет оценить среднее число рождений у женщин, декларировавших, что они никогда не состояли в зарегистрированном браке, а также у женщин, сообщивших, что они никогда не состояли в союзах с совместным проживанием партнеров. Оказывается, что среднее число рожденных детей у этих *матерей* (т.е. женщин, родивших, как минимум, одного ребенка) существенно превышает единицу: для тех, кто никогда не состоял в браке (включая тех, кто имел опыт совместного проживания с партнерами) в расчете на одну женщину приходится 1,3 рождений, а для тех, кто никогда не проживал с партнером, еще выше – 1,6 рождений. Можно предположить, что требуемый для наших расчетов коэффициент детности матерей-одиночек, регистрирующих всех своих детей без установления отцовства, находится в этих пределах.

⁶ Согласно действующей до настоящего момента статистической практики, к этой категории учета также относят новорожденных, зарегистрированных по представлению государственных органов («дети-отказники», «подкидыши», «найденши» и пр.).

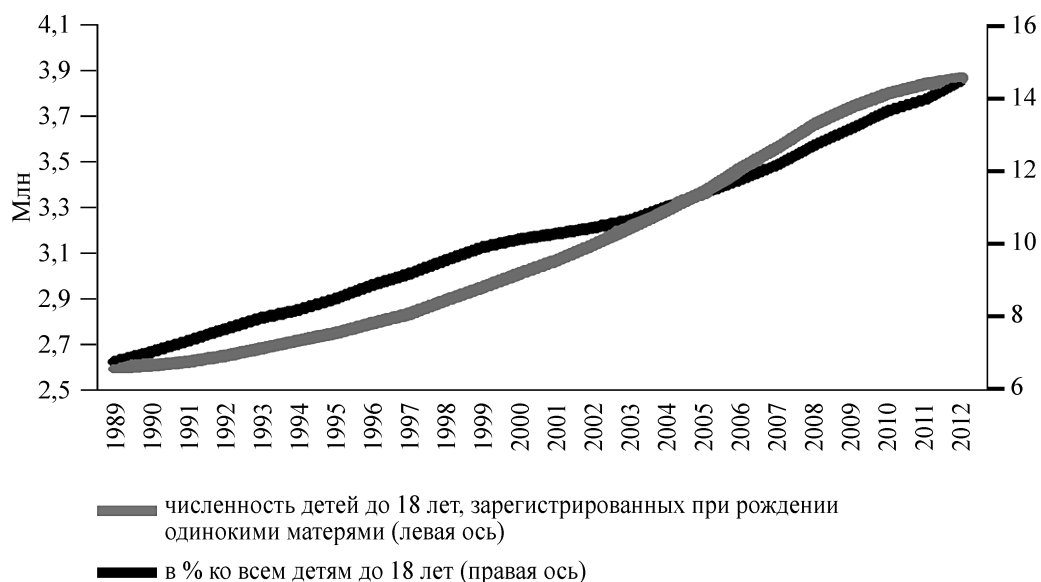

Рисунок 1. Оценка ежегодной численности детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных при их рождении на основании заявления одинокой матери, а также их доля в общем числе детей до 18 лет, Россия, 1989–2012 гг. (на начало года)

Источник: Расчеты авторов на основе данных, приведенных в Приложении 1, а также на основе неопубликованных данных Росстата о возрастном составе населения по однолетним возрастным группам за соответствующие годы.

Принимая коэффициенты детности постоянными для всего периода после 1989 г. (мы не можем учесть их возможную динамику в виду отсутствия данных), получаем, что численность матерей, воспитывавших детей до 18 лет и претендовавших на юридический статус одинокой матери, в 1989 г. будет находиться в интервале 1,6–2 млн, в 2002 г. – 2,0–2,5 млн, в 2010 г. – 2,5–3,0 млн. Мы приводим оценки на даты всеобщих переписей населения, поскольку их можно сопоставить с переписными и единственно возможными в России оценками общей численности матерей всех брачно-партнерских состояний, воспитывающих детей до 18 лет. Имеющиеся результаты переписей населения 2002 и 2010 гг. лучше, чем данные переписи 1989 г., подходят для оценивания общей численности матерей с детьми до 18 лет в России, поскольку для двух последних переписей была проведена специальная разработка данных по «семейным ячейкам», позволяющая выделить из множества типов домохозяйств супружеские пары с детьми и матерей (без супруга) с детьми, не учитывая прочих совместно проживающих членов домохозяйств⁷. Так, в 2002 г. всего состоящих и не состоящих в браке матерей с детьми насчитывалось 20,3 млн, в 2010 г. – 16,6 млн. Наша более грубая оценка для 1989 г. будет 23 млн. В результате получаем, что в общей численности матерей женщины,

⁷ О методологии выделения семейных ячеек и типологии современных семей, в том числе воспитывающих детей моложе 18 лет в России см. [Прокофьева 2007].

претендующие на официальный статус «матери-одиночки», составляли 7–8% в 1989 г., 10–12% в 2002 г. и 15–18% в 2010 г., т.е. налицо, как минимум, двукратный рост относительного показателя за два десятилетия.

Таблица 2. Численность женщин, не декларировавших совместное проживание с мужем (официальным или неофициальным), и воспитывающих детей в возрасте до 18 лет, доля таких неполных семей в общем числе семейных ячеек, а также доля детей до 18 лет, воспитывающихся одинокими женщинами, в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях, Россия, по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

	Численность одиноких женщин*, имеющих детей до 18 лет, млн чел.	Доля неполных семей одиноких женщин* с детьми до 18 лет, %		Доля детей, воспитываемых одинокой женщиной* в общем числе детей до 18 лет, живущих в семьях, %
		В общем числе семейных ячеек**	В общем числе семейных ячеек** с детьми до 18 лет	
Все население (2002)	5,6	22,9	26,8	24,0
Все население (2010)	5,0	24,1	21,1	25,5
Городское население	3,8	25,0	22,1	26,9
Сельское население	1,2	21,3	18,9	22,5

* Включая одиноких женщин с детьми до 18 лет, проживающих в сложных частных домохозяйствах (с одним или обоими родителями, с прочими родственниками), а также женщин, проживающих в коллективных домохозяйствах (учреждениях пенитенциарной системы и др.).

** Семейные ячейки включают в себя супружеские пары без детей, супружеские пары с детьми, матерей с детьми и отцов с детьми.

Источник: Расчеты автора на основе данных, опубликованных в: [Семья в России 2008: Итоги Всероссийской переписи населения 2010], а также неопубликованных данных Росстата.

В то же время, очевидно, что численностью «статусных» матерей-одиночек не ограничивается распространенность феномена одиноких женщин, воспитывающих детей. Не менее распространенное явление в современном мире – образование неполных семей в результате прекращения брачных отношений по причине развода («расхождения» партнеров), а иногда и раннего овдовения⁸. Поскольку не все женщины с детьми сразу же после прекращения одного союза вступают в новые брачно-партнерские союзы (а какая-то часть из них никогда не вступает

⁸ Среди браков, заключенных в России в 1980-х гг., к 5-му году от начала союза распалось 14,9% по причине развода и 1,4% по причине овдовения, к 10-му году – соответственно, 25,4% и 3,5%, к 15-му году – 32% и 6%. См.: [Вишневский 2006].

в повторные союзы⁹), то мы сталкиваемся с неизбежностью существования некоторого числа «осколочных» семей, в которых дети, по крайней мере, какое-то время проживают с одинокой женщиной (проживание детей после развода с одиноким отцом по-прежнему не имеет статистически значимого распространения).

Регулярными официальными статистическими данными о численности женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей без мужей/партнеров (отцов/отчимов), Россия не располагает. Лишь благодаря выше упомянутой специальной разработке данных переписей населения 2002 и 2010 гг. в разрезе семейных ячеек мы смогли получить интересующие нас сведения (таблица 2).

В 2010 г. одиноких женщин с детьми до 18 лет насчитывалось 5 млн. Неполные семьи с одинокими женщинами во главе составляли 24,1% от общего числа семейных ячеек (включающих супружеские пары с детьми и без детей, одиноких матерей, одиноких отцов) и 26,8% от числа тех же семейных ячеек, но с детьми до 18 лет. В таких семьях воспитывалось 6,2 млн детей до 18 лет, что составляет 25,5% от общего числа детей в возрасте до 18 лет, зарегистрированных переписью как проживающих в семьях. Относительная распространенность одиноких женщин с детьми выше в городской местности по сравнению с сельской, что согласуется с более высокой разводимостью в городах, но, с другой стороны, расходится с известным фактом более широкого распространения раннего овдовения сельских женщин, а также с тем, что в сельской местности по сравнению с городской доля новорожденных, зарегистрированных по заявлению матери, в послевоенный период была стабильно выше на несколько процентных пунктов. Можно предположить, что именно прекращение брачно-партнерских отношений вследствие развода в настоящее время является ведущим фактором изменения относительных характеристик распространенности одиноких женщин с детьми.

За 8 лет между последними переписями населения произошли некоторые сдвиги в характеристиках распространенности одиноких женщин с детьми, которые не просто интерпретировать. Так, с одной стороны, сократилось абсолютное число одиноких женщин, имеющих детей моложе 18 лет (на 0,6 млн чел. или на 11%), а также их доля в общем числе семейных ячеек с детьми до 18 лет (с 26,8% до 21,1%). С другой стороны, доля таких неполных семей увеличилась в общем числе всех типов семейных ячеек (полных и неполных, с детьми или без детей любого возраста) с 22,9% до 24,1%, а также подросла доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых женщиной, не имеющей брачного партнера, с 24,0% до 25,5% (таблица 2). При этом среднее число детей до 18 лет, воспитываемых одинокой женщиной, едва заметно, но снизилось с 1,25 в 2002 г. до 1,24 в 2010 г. на фоне увеличения среднего числа детей того же возраста, приходящегося на одну женщину, воспитывающей детей в полной семье, с 1,46 в 2002 г. до 1,49 в 2010 г. О чем же могут свидетельствовать подобные разнонаправленные изменения? Лишь о том, что за рассматриваемый период главные изменения происходили не с вероятностью появления неполных семей или со средним числом детей в этих семьях. Сдвиги в количественных характеристиках распространенности неполных семей были производными от структурных изменений более общего порядка. В первую очередь, изменения возрастной структуры населения России характеризовались

⁹ Среди женщин, переживших прекращение первого зарегистрированного брака в 1990–1994 гг., вступили в повторный брак или в неформальный союз с совместным проживанием партнеров к 5-му году – 46%, к 10-му году – 61%, к 15-му году – 66% [Вишневский 2011].

абсолютным и относительным сокращением юных женщин до 20 лет с высоким риском рождения детей «без отца», что вкупе со снижением рождаемости (и частоты незапланированных беременностей) у юных матерей, по-видимому, и обусловило сокращение абсолютного числа одиноких женщин с детьми до 18 лет. Во-вторых, сокращалась общая численность семейных ячеек при одновременном росте среди них числа супружеских пар без детей. В результате в общем числе семейных ячеек доля семей одиноких женщин с детьми до 18 лет повысилась.

Статистическая оценка распространенности феномена «одинокой женщины с детьми» была бы неполной, если бы мы не вспомнили об еще одной категории одиноких матерей, выделяемой отечественными переписями населения, начиная с переписи 1970 г. [Волков, Герасимова 1979]. Речь идет о нуклеарных семьях/домохозяйствах, состоящих только из матери и детей. Выше мы говорили о незамужних матерях, которые проживают со своими детьми как отдельно, так и в составе более сложных домохозяйств. Известно, что в российской ситуации половина незамужних матерей с детьми проживает в составе сложных домохозяйств, получая всемерную поддержку от ближайших родственников. Более того, в отечественной литературе уже отмечался факт, что в постсоветский период длительная тенденция к нуклеаризации семей остановилась и появились признаки «денуклеаризации» российских семей¹⁰ [Прокофьева 2007], в том числе и неполных, материнских. Данные последней переписи населения 2010 г. подтверждают этот факт. Согласно переписи населения 2002 г., доля одиноких женщин с детьми всех возрастов, проживавших в составе сложных домохозяйств, составляла 40,9%, а по данным переписи 2010 г. – 43% (соответственно, проживали отдельной семьей 59,1% и 57,0%). Еще больше увеличилось за тот же период присутствие в сложных домохозяйствах незамужних женщин с детьми до 18 лет – с 51,9% до 58,1% от числа всех одиноких матерей с несовершеннолетними детьми.

Характеристики распространенности нуклеарных материнских семей (домохозяйств), в том числе с детьми до 18 лет, в динамике с 1979 г. представлены в *таблице 3*. Следует, правда, заметить, что в отношении семейно-домохозяйственной структуры населения две советские переписи не вполне сопоставимы с двумя постсоветскими российскими переписями в связи с переходом в 1990-е гг. на международную практику разработки данных о социально-экономических и демографических характеристиках населения в разрезе домохозяйств, а не семей¹¹.

Если пренебречь погрешностями оценивания, связанными с методологическими проблемами сопоставления прежних «семей» с нынешними «частными домохозяйствами, состоящими из двух и более членов», то получается, что за 30 лет число материнских семей, стоящих из одной женщины и ее детей, увеличилось с 4,3 млн в 1979 г. до 5,6 млн в 2010 г. или на 30%. В то же время обращает внимание, что увеличение таких семей между переписями 2002 и 2010 гг. не произошло, а число материнских семей с детьми до 18 лет за межпереписной период даже резко сократилось до 2,1 млн, что меньше, чем было в 1979 г. (2,3 млн). Относительно всех домохозяйств с детьми до 18 лет число материнских семей с несовершеннолетними детьми также снизилось – более чем на один процентный пункт и составляет сегодня менее 12%. Наконец, такой важный показатель как доля детей до 18 лет, воспитываемых одинокой матерью в общем числе детей того же возраст-

¹⁰ О тенденции к нуклеаризации семей в послевоенное время см., например: [Васильева 1975; Волков 1986].

¹¹ Домохозяйство как категория статистического учета в российской практике появляется в связи с подготовкой и проведением микропереписи в 1994 г.

та, проживающих в семьях, за период между переписями 2002 и 2010 гг. снизился с 11,4% до 10,4%, хотя в советский период он неуклонно рос (в 1979 г., к примеру, он составлял менее 7%).

Таблица 3. **Некоторые характеристики распространенности нуклеарных семей (домохозяйств*), состоящих из женщин с ее детьми (материнских семей) в России по данным переписей населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.**

	1979	1989	2002	2010
Все нуклеарные материнские семьи (домохозяйства), млн	4,3	4,9	5,6	5,6
В том числе с детьми до 18 лет, млн	2,3	2,5	2,7	2,1
Доля нуклеарных материнских семей в общем числе семей (частных домохозяйств), %	11,7	12,2	13,7	13,8
Доля нуклеарных материнских семей с детьми до 18 лет в общем числе семей (частных домохозяйств) с детьми до 18 лет, %	10,1	10,6	12,8	11,7
Доля населения, проживающего в нуклеарных материнских семьях в общей численности населения, проживающего в семьях (частных домохозяйствах с числом членов два и более), %	8,3	9,3	9,9	9,9
Доля детей до 18 лет, проживающих в нуклеарных материнских семьях (домохозяйствах) в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях (частных домохозяйствах), %	6,9	8,9	11,4	10,4

*Данные переписей 1979 и 1989 гг. официально разрабатывались в разрезе типов семей (без одиночек), данные переписей 2002 и 2010 гг. – в разрезе типов частных домохозяйств, состоящих из двух и более членов.

Источник: Расчеты авторов на основе: [Итоги Всесоюзной переписи...1981; Семья в России 2008; Итоги Всероссийской переписи... 2005; Итоги Всероссийской переписи...2012], а также неопубликованных данных Росстата.

Если сравнить данные, представленные на *рисунке 1*, в *таблицах 2 и 3*, то приходим к выводу, что основная причина понижающей тенденции в относительной распространенности материнских семей и детей, проживающих с одной матерью без прочих родственников – процесс денуклеаризации семей. Незамужние женщины с детьми в последние два десятилетия стали чаще проживать в составе сложных домохозяйств, что, несомненно, связано с поиском семейно-родственной опоры для решения экономических и бытовых проблем матерей-одиночек и трудностями обзаведения отдельным жильем в современных рыночных условиях. «Кроме того, проблемы выживания в непростых условиях переходного периода заставляли семьи объединяться в одном жилье, а второе сдавать в наем для получения дополнительных средств к существованию» [Прокофьева 2007]. Однако не нужно забывать, что разделение на несколько домохозяйств (семей) групп людей, проживающих под одной крышей, всегда таит в себе некоторую условность. Решение этого вопроса отдано самоопределению опрошенного в ходе переписи индивида, представляющего группу людей, проживающих в некоторой жилищной ячейке. С другой стороны, некоторая часть людей в ходе последних двух переписей, как известно, была учтена не на основе непосредственного опроса населения,

а на основе сведений, полученных из административных регистров [Итоги Всероссийской переписи 2012; Андреев 2012], что могло сказаться как на самих результатах – числе и демографической структуре выделяемых домохозяйств, так и на сопоставимости данных последних двух переписей населения с предыдущими.

Подведем итог нашим попыткам статистически оценить распространенность феномена одинокого материнства на основании официальных данных. Перед нами три статистические совокупности, состоящие из женщин с детьми до 18 лет:

– «матери-одиночки», которые могут быть сертифицированы по факту рождения ребенка без официально признанного отцовства. На 2010–2011 гг. максимальная оценка их численности – около 3 млн, доля в общей численности матерей – не более 18%, доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности населения моложе 18 лет – не более 15%. Данная совокупность имеет тенденцию к увеличению своей численности;

– одинокие женщины с детьми до 18 лет, идентифицируемые на основе ответов, получаемых в ходе переписей населения, и свидетельствующие об отсутствии у них супруга на данный момент. В 2010 г. численность данной категории составляла 5 млн, их доля в общем числе семейных ячеек – 21% (в числе семейных ячеек без отцов-одиночек – 30%), доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности детей до 18 лет, проживающих в семьях – 25,5% (в общей численности населения моложе 18 лет – 23,5%). Тенденция изменения размера данной категории не очевидна. В последнее десятилетие имело место сокращение ее абсолютной численности, но в то же время ее вклад в воспитание подрастающего поколения увеличился;

– одинокие женщины с детьми до 18 лет, представляющие нуклеарные неполные семьи (материнские семьи, локализованные от прочих родственников), идентифицируемые на основе ответов, получаемых при переписи населения и свидетельствующие об отсутствии в данном домохозяйстве супруга и каких-либо других членов, кроме собственных детей. В 2010 г. данная категория по численности составляла 2,1 млн, доля материнских семей с детьми до 18 лет в общем числе семей (частных домохозяйств) с детьми до 18 лет – 11,7%, доля детей до 18 лет, проживающих в нуклеарных материнских семьях в общем числе детей до 18 лет, проживающих в семьях (частных домохозяйствах) – 10,4% (в общей численности населения моложе 18 лет – 10,2%). В последнее десятилетие численность этой категории, после длительного роста, обнаружила тенденцию к быстрому сокращению, вследствие чего снизилась и доля детей, воспитываемых в нуклеарных материнских семьях.

Первые две статистические совокупности являются пересекающимися, но не взаимно поглощающими друг друга, поскольку группируются по различным основаниям. В первом случае основанием для попадания в совокупность будет официально подтвержденная декларация брачно-партнерского статуса женщины в момент регистрации новорожденного ребенка, во втором случае – не требующая документального подтверждения декларация брачно-партнерского статуса женщины, имеющей детей, в некоторый момент опроса (переписи, выборочные исследования). В первом случае очевидны правовые последствия для женщины и ее детей, во втором случае они отсутствуют. Непересекающуюся часть обеих совокупностей образуют женщины из первой совокупности, сменившие свой брачно-партнерский статус с момента регистрации ребенка до момента опроса (обрели супруга) или не заявлявшие о фактическом наличии отца ребенка с самого начала.

Третья совокупность представляет собой специфическую часть второй совокупности, традиционно привлекающую к себе особое внимание политиков и исследователей, поскольку нуклеарные материнские семьи (в силу своей потенциальной изолированности от семейно-родственного окружения) объективно требует повышенного внимания как объект государственной поддержки. О реальной степени их изолированности и распространенности межсемейной поддержки неполных семей свидетельствуют данные обследования Росстата НОБУС (2003): финансовая поддержка со стороны родственников, не живущих с ними, составляла около 20% доходов неполных семей, и около четверти семей получала ее регулярно. Кроме того, родственная межсемейная и межпоколенная солидарность проявлялась в виде регулярного оказания услуг [*Прокофьева, Фести* 2008].

Исследователи и политики, акцентируя свое внимание на феномене одинокого материнства, должны четко себе представлять, с какой конкретно категорией одиноких матерей они имеют дело, принимая во внимание размытость категориальных границ в сущностном и, тем более, в прикладном значении¹².

В дальнейшем анализе мы остановимся на второй совокупности – женщин с несовершеннолетними детьми, не имеющих супруга в домохозяйстве. Обоснованием выбора является не только их наибольшая представленность в населении, но и возможность для их изучения обычными средствами выборочных исследований.

Демографические и социально-экономические характеристики одиноких матерей

В дальнейшем анализе будут использованы результаты выборочного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», являющегося частью международного исследовательского проекта сравнительных исследований «Generations and Gender Programme» / «Программа поколения и гендер», координатором которого выступает Европейская экономическая комиссия ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров¹³. Всего в России проведены три волны опроса в 2004, 2007 и 2011 гг., в каждой из которых было опрошено более 11 тыс. респондентов обоего пола в возрасте 18 лет и старше (панельная составляющая опрошенных повторно в 2007 и 2011 гг. – более 7 тыс.), представляющих городское и сельское население 32 субъектов Российской Федерации, включая Москву и С.-Петербург¹⁴.

Уникальная особенность данного исследования – возможность детального исследования брачно-партнерских и репродуктивных биографий женщин и мужчин в контексте множества социально-экономических и ценностно-мотивационных характеристик респондентов, что не имело прецедента в отечественной истории семейных и социально-демографических исследований.

¹² Дискуссию о понятиях: «одинокая мать», «неполная семья», «материнская семья», «монородительская семья» и т.п. см.: [*Ярская-Смирнова, Романов* 2004].

¹³ В проекте участвуют более 30 стран мира. Подробнее о целях и задачах проекта, международных участниках, методологически подходах, инструментарии, базах данных и публикациях см.: <http://www.unece.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>

¹⁴ В России исследование РидМиЖ/RusGGS координировалось Независимым институтом социальной политики/НИСП (Москва) и специально созданным Научным советом, представляющим различные организации. Дополнительную информацию о проекте, публикациях см.: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

Первая волна РиДМиЖ (2004) позволила проанализировать характеристики 665 женщин с детьми до 18 лет, декларировавших отсутствие на момент опроса факта совместного проживания с супругом/партнером¹⁵ и сравнить их с характеристиками матерей, воспитывающих детей того же возраста в полной семье (1793 женщины, состоящие в зарегистрированных и незарегистрированных союзах). Для одиноких женщин с детьми, как и для матерей с супругом/партнером, допускалось наличие прочих членов домохозяйства, проживающих в том же домохозяйстве. Доля матерей, воспитывающих несовершеннолетних детей без супруга, среди всех матерей с детьми того же возраста составила по нашей выборке 26,6%, что хорошо согласуется с данными российских переписей населения (таблица 2). Корреспондирует с данными переписей и выборочная доля детей до 18 лет, воспитываемых матерями этой категории, в общем числе детей до 18 лет – 24,9%.

Общее представление о непосредственных причинах одиночества женщин с детьми до 18 лет дает таблица 4. Обращает внимание, что в России достаточно редко встречаются женщины, имеющие детей и совсем не имевшие опыта проживания с партнером в одном домохозяйстве – около 9%. Правда, только каждая вторая одинокая мать с детьми когда-либо состояла в зарегистрированном браке (54,4% ко всем одиноким женщинам с детьми до 18 лет и 59,8% к числу женщин с детьми того же возраста, когда-либо имевших опыт совместного проживания с мужем/партнером). Для сравнения среди женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей совместно с супругом, опытом пребывания когда-либо в зарегистрированном браке обладают 90%.

Представляется важным выявленный факт, что 30,8% одиноких матерей имеют устойчивые отношения с партнером, постоянно проживающим отдельно. Более того, 14% из них состояли прежде или продолжают состоять в браке с этим партнером. Можно предположить, что у значительной части одиноких матерей имеются не только интенсивные интимные отношения, но и другие типы взаимодействий с партнером, с неизбежностью включающие материально-финансовые трансферты и услуги, поскольку почти 80% респонденток встречаются со своими партнерами не реже одного раза в неделю. Кроме того, 65% респонденток ссылаются на различные обстоятельства, препятствующие совместной жизни, 29% говорят о собственном или обоюдном нежелании жить вместе, а о нежелании партнера съехаться свидетельствуют лишь 6% респонденток. Интересно, что среди респонденток, не желающих жить вместе со своим партнером, не нашлось ни одной, кто бы в качестве причины назвала бы «финансовые соображения». В их ответах превалирует желание «сохранить независимость» и «неполная готовность жить вместе». Лишь единицы из них ссылаются на наличие детей как на причину нежелания жить вместе как со своей стороны, так и стороны партнера. Среди «обстоятельств-барьеров» на пути к нормальной супружеской жизни называются всего два обстоя-

¹⁵ Партнером в обследовании считался человек, с которым респондент имеет устойчивые интимные отношения. Слово «интимный» предполагает сексуальную близость, однако собственно половой акт не является жестким требованием. Сексуальная близость имеет принципиальное значение для различения партнеров по бизнесу, с которыми у респондента могут быть профессиональные связи, и друзей, с которыми респондент близок эмоционально. Если у респондента в момент обследования было несколько партнеров, и обо всех он хотел рассказать, то предлагалось рассказать о партнере, которого он считает наиболее важным для себя. Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее 3-х месяцев подряд.

тельства и оба они банальны: «у моего партнера другая семья» (21%) и «жилищная проблема» (19%). На такие обстоятельства как «работа», «деньги», «юридические проблемы» практически никто не ссылается. Правда, следует заметить, что каждая четвертая респондентка указала на присутствие неких «других обстоятельств».

Таблица 4. **Некоторые характеристики матерей, воспитывающих детей до 18 лет без супруга в домохозяйстве, в зависимости от прошлого опыта брачно-партнерских отношений и текущего брачно-партнерского статуса, РИДМИЖ-2004**

	Число респондентов	В процентах
Всего матерей с детьми до 18 лет без постоянно проживающего супруга в домохозяйстве	665	-
Из них:		
когда-либо состояли в брачно-партнерских союзах*	605	91,0
когда-либо состояли в зарегистрированном браке	362	54,4
не имеют постоянного партнера	460	69,2
имеют постоянного партнера проживающего отдельно	205	30,8
с этим партнером состояли или продолжают состоять в зарегистрированном браке	29	14,1**
Не имеют постоянного партнера	460	100,0
В том числе:		
никогда не состояли в брачно-партнерских союзах	61	13,3
последний союз закончился разводом или расставанием с партнером	323	70,2
последний союз закончился смертью партнера	76	16,5
Последний союз был зарегистрированным браком	301	100,0
В том числе завершился:		
Разводом	181	60,1
расставанием без оформления развода к моменту опроса	51	17,0
смертью партнера	69	22,9
Последний союз был сожительством	98	100,0
В том числе завершился:		
Расставанием	91	92,9
смертью партнера	7	7,1

* Здесь и далее, когда речь идет о прошлых брачно-партнерских союзах, подразумеваются зарегистрированные браки и сожительства с совместным проживанием партнеров в одном домохозяйстве не менее 3 месяцев подряд.

** В процентах к числу респонденток, имеющих постоянного партнера, который проживет отдельно.

Источник: расчеты авторов по данным РИДМИЖ-2004.

Если обратиться к одиноким матерям, не имеющих постоянных партнеров, то только 13% из них никогда не состояли в брачно-партнерских союзах, для 70% последний союз закончился разводом или расставанием с партнером, и у почти 17% женщин союз прервался в связи со смертью партнера. Для подавляющего большинства одиноких матерей последний союз был зарегистрированным браком – более 75%, а для каждой четвертой – сожительством. Впечатляет высокая доля брачных союзов, прервавшихся смертью мужа – 23%, а также то, что многие женщины продолжают формально оставаться в браке, несмотря на фактическое прекращение интимных отношений – такова ситуация у 17% женщин (таблица 4). Возможно, что для части из них это временная ситуация, когда окончательно решается судьба брака. На вопрос, собираются ли они в ближайшие 3 года начать (снова) жить вместе, отрицательно ответили 73% («определенно нет», «пожалуй, нет»), а 27% оставляют за собой такую возможность (24% ответили «пожалуй, да» и 3% – «определенно да»).

Теперь сравним матерей, не имеющих партнеров/супругов в домохозяйстве, с теми матерями, которые проживают совместно с ними. В таблице 5 представлены некоторые ключевые демографические и социально-экономические характеристики женщин, воспитывающие несовершеннолетних детей в полной и неполной семье.

Таблица 5. Некоторые характеристики женщин-респонденток, имеющих детей до 18 лет, в зависимости от наличия постоянно проживающего партнера/супруга в том же домохозяйстве, РИДМиЖ-2004

Характеристики женщины-респондентки	Матери с детьми до 18 лет без партнера/супруга в домохозяйстве, %	Матери с детьми до 18 лет с партнером/супругом в домохозяйстве, %
Возраст		
До 25	8,1	9,0
25–29	12,2	19,0
30–34	18,3	21,6
35–39	19,4	19,6
40–44	20,3	17,1
45–49	14,9	9,2
50 и старше	6,9	4,4
Средний возраст (лет)	37,7	35,6
Образование		
нет среднего общего	8,9	7,9
среднее общее и начальное профессиональное	29,3	30,4
среднее профессиональное	38,0	38,3
Высшее	23,9	23,4
Работают за плату		
	76,0	63,5
Уровень жизни («сводят концы с концами»)		
с трудом	67,0	48,4
с некоторыми усилиями	27,3	41,0

довольно легко	3,8	7,9
Легко	2,0	2,7
Жилищные условия (число комнат)		
1	26,0	15,5
2	40,0	38,9
3	27,4	35,1
4 и более	6,6	10,6
Имеются родитель/родители и прочие родственники в домохозяйстве		
	32,3	19,6
Текущие отношения между родителями респондента		
Оба родителя живы, не разошлись	28,2	38,2
Оба родителя живы, разошлись	6,4	8,5
Отец жив, мать – нет	5,2	6,2
Мать жива, отец – нет	36,1	30,8
Оба родителя умерли	24,1	16,3
Респондент основную часть детства до 15 лет прожил с обоими родителями		
	76,1	81,6
Ценностно-нормативные ориентации*		
Скорее традиционные	27,0	36,7
Средняя позиция	34,2	32,4
Скорее современные	38,8	30,9
Опыт брачно-партнерских союзов для тех, кто когда-либо их имел		
1 союз	72,8	79,3
2 и более союзов	27,2	20,7
Число зарегистрированных браков		
0	28,1	7,6
1	62,5	82,5
2 и более	9,5	9,9
Число когда-либо рожденных детей		
1	58,2	45,6
2	31,1	41,3
3 и более	10,7	13,1
Среднее число рожденных детей	1,57	1,71
Число детей до 18 лет в домохозяйстве		
1	79,7	65,7
2	16,4	29,2
3 и более	3,9	5,0

* Сформированы на основе кластерного анализа ответов респондентов о согласии/несогласии с 12 нормативными суждениями, касающихся института брака, семьи и воспитания детей.

Источник: расчеты авторов по данным РИДМИЖ-2004.

Главный вывод из сравнительного анализа двух категорий матерей сводится к следующему: каких-либо принципиальных различий между матерями, воспитывающих детей в полной и неполной семье, мы не обнаруживаем. Важно отметить, что отсутствуют различия по параметрам, идентифицирующим социально-групповую принадлежность: уровень образования (*таблица 5*), продолжают ли образование в настоящий момент, родной язык, тип населенного пункта, в котором родились и проживают в настоящий момент, длительность проживания в России и в данном населенном пункте, степень религиозности и состояние здоровья (последние признаки в *таблице 5* не представлены). Акцентируем внимание на тех характерных особенностях, которые в той или иной степени отличают одиноких женщин с детьми по сравнению с матерями, воспитывающих детей в полной семье.

Демографические характеристики. Возрастной состав одиноких матерей несколько смещен в сторону старших возрастных групп, и средний возраст их на 2 года выше, что неудивительно, так как значительная часть из них уже имеет опыт развода и овдовения. Можно сказать, что состояние одинокой матери – неизбежная перспектива для какой-то части матерей, воспитывающих на момент опроса детей в полной семье. Одинокие матери имеют несколько больший опыт создания брачно-партнерских союзов, если учитывать только тех из них, кто когда-либо жил с партнером. Однако в формировании полноценных браков одиноким матерям «везло» меньше (не заключили ни одного брака – 28% против 8%). Не нужно забывать, что каждая десятая из них никогда не делила кров с мужчиной на протяжении 3 месяцев и более. В результате совокупность одиноких женщин с детьми более неоднородна: в нее входят как женщины с опытом нескольких союзов, так и совсем не имеющие такого опыта. Среднее число когда-либо рожденных детей и число детей, проживающих в домохозяйстве, у одиноких матерей по понятным причинам ниже. Так, одинокими матерями в среднем было рождено 1,57 детей, а матерями, имеющими партнера/супруга в домохозяйстве, – 1,71, что представляет собой значимые различия, особенно принимая во внимание более высокий возраст у первых.

Социально-экономические характеристики. Женщины, воспитывающие детей без супругов, неизбежно должны демонстрировать более высокую экономическую активность, что и подтверждается нашими данными: среди одиноких матерей 76% работают вне дома за плату, а среди матерей, имеющих супруга, – 64%. В возрасте 30–39 лет различия приобретают еще больший размах: 84% против 68%. В то же время у сорокалетних и пятидесятилетних женщин (когда дети подросли) различия в занятости нивелируются. По нашим данным субъективная оценка уровня жизни, построенная на вопросе о степени трудности «сводить концы с концами», хуже у одиноких матерей. Этот вывод повторяет результаты исследований, специально ориентированных на изучение уровня жизни и бедности в домохозяйствах разного типа (см., например: [Малева, Овчарова 2010, с. 190–192]). Жилищная обеспеченность у одиноких матерей, замеренная числом комнат, также хуже, чем у замужних женщин с детьми. Таким образом, несмотря на повышенную трудовую активность одиноких матерей, заметно большую представленность родственников в их домохозяйствах (*таблица 5*) и наличие у многих из них межсемейных поддерживающих трансфертов, одиноким матерям не удается полностью компенсировать недостаток второго дохода, который мог бы поступать от отца/супруга, проживающего в домохозяйстве.

Родительский дом и ценностные ориентации. Характерная особенность одиноких матерей – существенно большая распространенность среди них опыта

сиротства. Более частая ранняя смерть отца или обоих родителей у одиноких матерей фиксируется не только на момент обследования (таблица 5), но и на основании сопоставления дат наступления этих событий с датой рождения респонденток. Логично предположить, что имеется определенная межпоколенная трансляция опыта матерей-одиночек. Опыт взросления в неполной семье каким-то образом, видимо, связан и с переосмыслением традиционных ценностей. Так, одинокие матери демонстрируют меньшую привязанность к традиционным ценностям в отношении брака и воспитания детей. Кластерный анализ ответов на 12 различных ценностно-нормативных суждений позволил сгруппировать всех респонденток на 3 группы в зависимости от того, насколько они склонны демонстрировать традиционный или современный взгляд на институт брака, семейную жизнь и воспитание детей. Сравнительный анализ двух групп матерей выявил в среднем более низкую приверженность к традиционным взглядам на институт брака и материнство среди женщин, не имеющих партнера в домохозяйстве (таблица 5). В то же время мы не склонны переоценивать «модернизованность» взглядов одиноких матерей. Во-первых, по большинству суждений, представленных респондентам для выражения согласия или несогласия, различия между двумя группами матерей небольшие и зачастую незначимы в прямом смысле статистического анализа выборочных оценок. Во-вторых, легко предположить, что на характер различий в ответах замужних и незамужних матерей на вопросы, касающихся стереотипных суждений в отношении брака, семьи и материнства, особенно сильное влияние будет оказывать личный опыт.

Одинокое материнство как динамическое состояние

Для многих женщин одинокое материнство не перманентное, а временное состояние, точно также, как никто из матерей, воспитывающих детей в полной семье, не застрахован от того, чтобы на более или менее длительное время пополнить ряды одиноких матерей. Для многих женщин с детьми период проживания вне брачно-партнерских союзов может рассматриваться как стадия жизненного цикла или специфический этап семейной биографии. Более того, какая-то часть женщин повторно переходит в категорию одиноких матерей, а им противостоит встречный поток, создающих новые полные семьи. Таким образом, со статистической точки зрения, одиноких матерей следует рассматривать как открытую совокупность с «входом» и «выходом», ширина которых – исторически меняющаяся величина. Динамизм смены брачных состояний и численность лиц, переходящих из одного состояния в другое, несомненно, повысились за последние полвека во всех развитых странах, и Россия – не исключение. Как было показано нами в предыдущих работах [Захаров (1) 2007; Захаров (2) 2007], возросла не только вероятность распада брачных союзов вследствие развода, но и вероятность вступления в повторные союзы. Причем средний интервал времени между прекращением первого союза и началом нового союза для женщин сокращался, и что особенно важно, для женщин с детьми. Из анализа средней длительности пребывания в том или ином брачном состоянии для женщин репродуктивного возраста следует фундаментальный по важности вывод – для российских женщин снижение суммарной длительности супружеской жизни в послевоенный период не произошло за счет возрас-

таюшей компенсирующей роли повторных союзов [Захаров (1) 2007; Захаров (2) 2007]. Именно в последней трети XX в. жизненные стратегии с множественной сменой брачных состояний теряют маргинально-девиантные черты и приобретают социально приемлемый, массовый характер¹⁶.

Произошедшие перемены хорошо иллюстрируют данные, представленные на рисунке 2, отражающем изменения в распределениях представителей российских поколений, родившихся во второй половине XX в., в зависимости от опыта их воспитания в полной и неполной семье. Во-первых, вдвое сократилась доля тех, кто провел все свое детство от рождения до 18 лет в неполной семье (с 11,4% до 5,7%), во-вторых, доля детей, имевших опыт воспитания только в полной семье, с некоторыми колебаниями, но, в целом, также имела тенденцию к сокращению: среди рожденных в 1950-х гг. таковых было 65%, среди когорты 1980-х гг. – 58,7%. Однако самым впечатляющим является устойчивый тренд роста доли тех, кто в своем детстве имел опыт воспитания и в полной, и в неполной семье – менее четверти в когорте 1950-х г.р. (23,6%) и более одной трети в когорте 1980-х г.р. (35,6%).

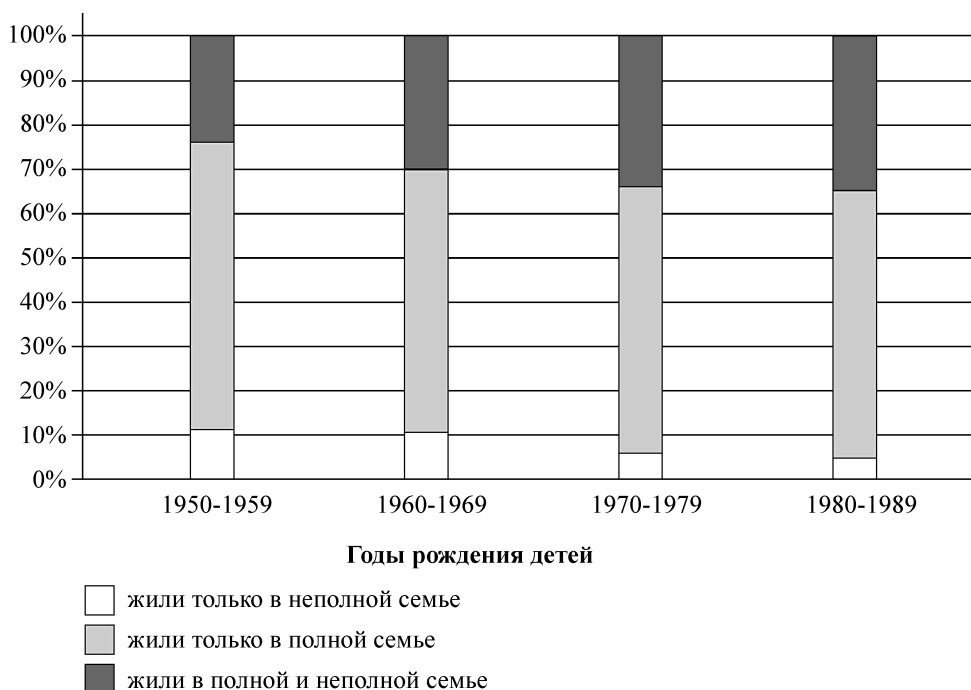

Рисунок 2. Распределение представителей российских поколений 1950–1989 гг. рождения по опыту проживания в полных и неполных семьях в детском возрасте (от рождения до 18 лет)

Источник: расчеты авторов на основе двух волн исследования РиДМиЖ (2004, 2007).

¹⁶ Так, в одном из исследований, проведенных качественными методами, женщины, говоря об изменении статуса неполных семей, заявляли: «Перестало быть зазорным быть матерью-одиночкой или разведенкой». См.: [Калабихина 2004, с. 107].

Несмотря на фундаментальность сдвигов, произошедших за последние десятилетия в режимах воспроизводства семей различного типа, внимание исследователей к статистическому изучению данных процессов остается невысоким. Со времени давних пионерских работ, выполненных И.А.Герасимовой, А.Х. Карапетяном с соавторами в 1970-х гг., А.Г. Волковым и Е.Л. Сороко в середине 1980-х гг. [Герасимова 1976; Карапетян А., Голуб, Карапетян С., Шахпаронян 1978, Волков, Сороко 1986; Волков, Сороко 1988], мы не можем засвидетельствовать последовательного развития методологии и практики анализа жизненного цикла человека на основе оценок вероятностей смены брачного состояния и переходов из одного типа семьи/домохозяйства в другой¹⁷. База данных РидМиЖ позволяет оценить для женщины вероятности оказаться в состоянии одинокого материнства и выйти из него, а также длительность пребывания в нем.

На *рисунке 3* схематически представлены переходы из одного брачно-партнерского состояния в другое для женщины, родившей первого ребенка в партнерском союзе (зарегистрированные браки и сожительства вместе) и вне него. Так, для женщин, родивших первого ребенка в партнерском союзе, вероятность того, что они будут и далее воспитывать их в полной семье, составляет 0,69 (или иначе – 31% первенцев, родившихся в полной семье, имеют шанс обрести опыт воспитания в неполной семье). Для одинокой матери с момента рождения ребенка вероятность того, что она обретет супруга и сохранит полную семью, составляет 0,549 ($0,35 \cdot 0,637$), т.е. существенно ниже, поскольку эта вероятность зависит от того, каковы шансы у матери найти себе партнера и от того, насколько этот союз для матери окажется прочным. Можно также показать, что 4,5% ($0,31 \cdot 0,5 \cdot 0,293 = 0,045$) первенцев, рожденных в полной семье, дважды в своем детстве оказываются в ситуации «безотцовщины», и эта вероятность в три раза ниже, чем вероятность для ребенка, рожденного «без отца», обрести «отца» и вновь его потерять, равная 12,6% ($0,35 \cdot 0,363 = 0,126$).

Используя данные РидМиЖ, можно оценить вероятность наступления (или ненаступления) и других ситуаций для матерей с детьми не только первой очередности рождения, но и второй (*рисунок 3*), и третьей (вероятности для последней не представлены).

Дети первых очередностей, с одной стороны, категория наименее выигрышная в плане родиться без отца, с другой стороны, – наиболее выигрышная с точки зрения того, что в дальнейшем у этих детей будет отец (ср. *рисунки 3* и *4*). В 10% случаев первые дети рождаются вне партнерского союза, т.е. у этих детей отсутствует на момент их рождения отец; соответственно, 90% детей при рождении имеют отца. Чтобы воспитываться в полной семье, одним детям нужно обрести отца, а другим – его не потерять. В результате полная вероятность того, что «взятый наугад» ребенок первой очередности в возрасте до 18 лет будет иметь опыт воспитания в полной семье, равна 93,5% ($0,1 \cdot 0,35 + 0,9 = 0,935$), а вероятность того, что он далее не будет страдать от смены брачного состояния матери – 64,3% ($0,1 \cdot 0,35 \cdot 0,637 + 0,9 \cdot 0,69 = 0,643$). Стоит отметить, что здесь мы учитываем фактическое наличие отца, и нас не интересует, является ли этот ребенок ему родным или нет, зарегистрировал ли этот отец ребенка на себя или нет. Аналогичные расчеты для всех детей второй очередности дают следующий результат: опыт

¹⁷ Редкое исключение составляет работа Г.С. Гончаровой и Л.Я. Савельева, в которой можно найти методологические новации и интересные эмпирические наблюдения (См.: [Гончарова, Савельев 2004]). Из недавних исследований, в которых используется матрица переходов из одного брачного состояния в другое, полученная на основе панельных данных исследования РМЭЗ/RLMS, см.: [Роцин, Роцина 2007].

воспитания в полной семье имеют 95,0% ($0,055*0,097+0,945=0,950$) и сохраняют его на оставшийся период детства до 18 лет – 71,1% ($0,055*0,097*0,611+0,945*0,749=0,711$), для детей третьей очередности 98,3% и 72,5% соответственно. Таким образом, чем выше порядок рождения ребенка, тем у него больше шансов воспитываться в полной семье. Правда, остается открытым извечный вопрос: союз между родителями прочнее от того, что в семье больше детей, или в семье больше детей, потому что устойчивее брачные отношения между родителями? Для получения полного описания одинокого материнства как динамического состояния не достаточно знать, с какой вероятностью женщины и их дети оказываются в такой ситуации и выходят из нее. Важно также иметь представление о средней длительности пребывания в данном состоянии и об имеющихся тенденциях ее изменения.

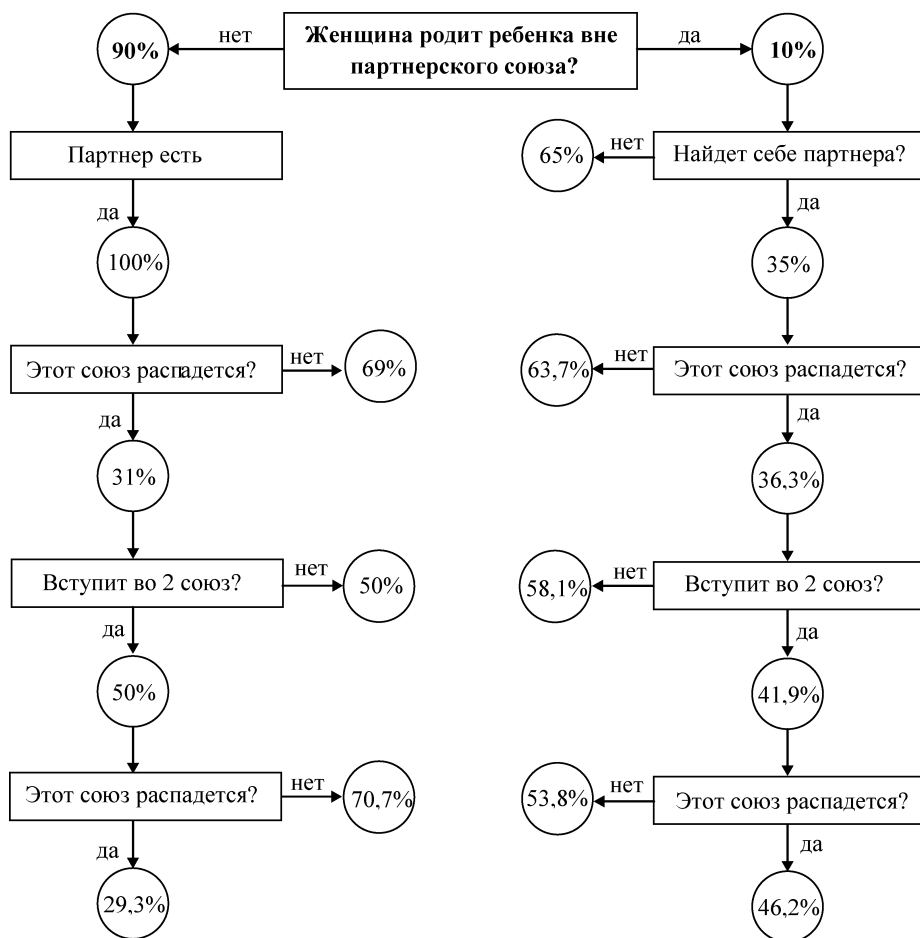

Рисунок 3. Вероятности смены брачно-партнерского состояния для женщины с ребенком первой очередности рождения в России, %

Источник: расчеты авторов на основе данных двух волн исследования РИДМИЖ (2004, 2007).

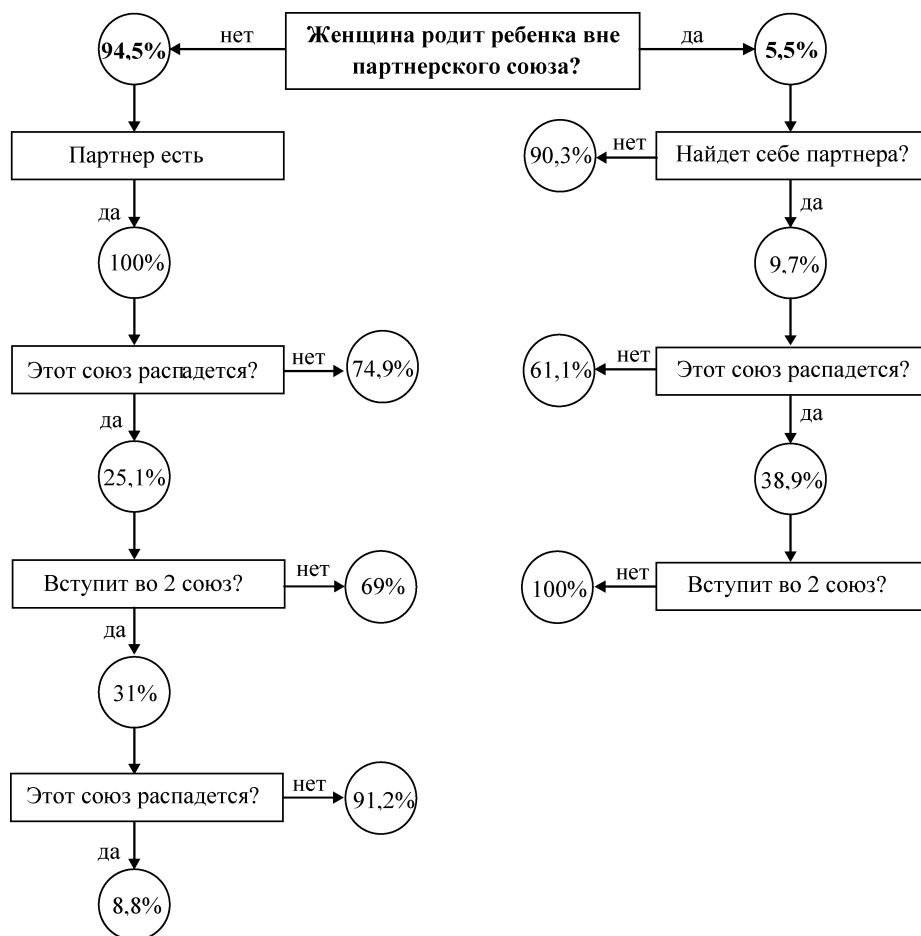

Рисунок 4. Вероятности смены брачно-партнерского состояния для женщины с ребенком второй очередности рождения в России, %

Источник: расчеты авторов на основе данных двух волн исследования РИДМИЖ (2004, 2007).

Рассмотрим ситуацию с длительностью проживания в полной и неполной семье с позиции ребенка. В конечном итоге именно меняющиеся условия воспитания и социализации детей в различных типах семей находятся в центре внимания исследователей и политиков, озабоченных трансформацией брачно-семейных отношений.

Как уже было сказано выше, главный риск для ребенка воспитываться в неполной семье связан с разводом родителей. После развода дальнейшие отношения между бывшими супругами, между отцами и детьми могут складываться по-разному, но, как правило, они ухудшаются [Ренье-Луалье, Валетас, Корчагина, Прокофьева, Баублите, Станкуниене 2010], что с неизбежностью негативно сказывается на социализации подрастающего поколения. Хотя в российских условиях каждая вторая

одинокая мать с детьми до 18 лет проживает в составе сложного домохозяйства¹⁸ и/или получает регулярную поддержку от своих родителей и прочих родственников в рамках «семейных групп»¹⁹, гендерная асимметрия – главная проблема в воспитании детей у матери, не имеющей супруга – остается неразрешимой во всех случаях²⁰.

Как же складывается бюджет времени жизни усредненного несовершеннолетнего ребенка с учетом: а) обстоятельств его появления на свет (рождение в полной семье или у одинокой матери); б) вероятностей перехода из одного брачно-партнерского состояния в другое для его матери; в) длительности пребывания матери в том или ином брачно-партнерском состоянии?

Результаты наших расчетов, выполненные на базе данных двух волн исследования РиДМиЖ (2004, 2007) представлены на рисунках 5, 6 и 7.

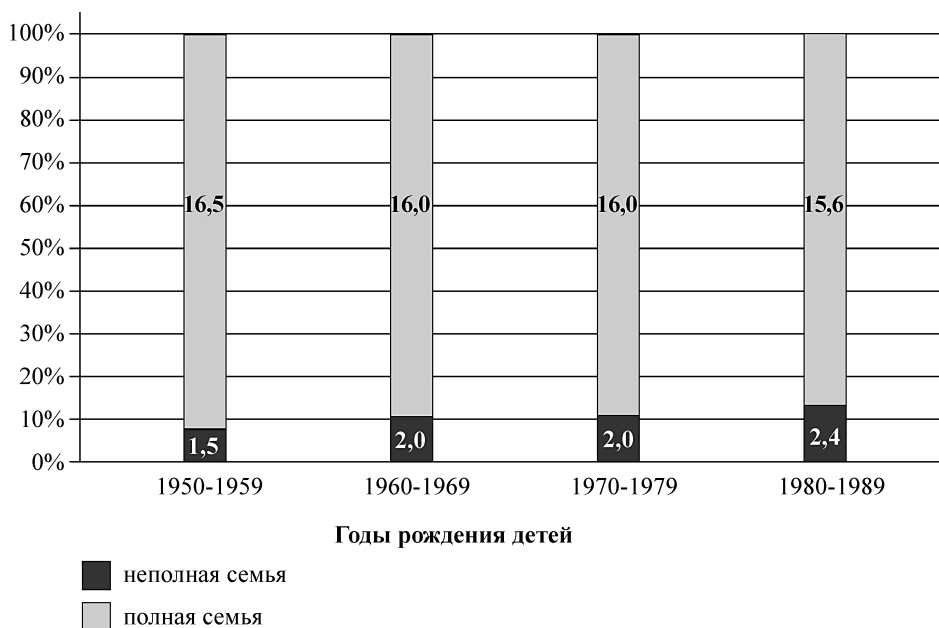

Рисунок 5. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для детей, родившихся в полной семье в указанные годы

Примечание: цифрами указанная средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты авторов на основе двух волн исследования РиДМиЖ (2004, 2007).

¹⁸ Чем моложе дети, воспитываемые матерью, не состоящей в брачно-партнерском союзе, тем чаще они проживают в домохозяйствах, где присутствуют бабушки/дедушки: от 80% в возрасте 0–3 года, до 28% среди 15–17-летних. См.: [Бретон, Попова, Приу 2010].

¹⁹ Понятие семенной группы в отечественной демографии было введено в научный оборот в 1980-х гг. [Ружже, Елисеева, Кадибур 1983].

²⁰ О проблемах воспитания в неполной семье см., например: [Дементьева 2001].

Для ребенка, появившегося на свет в полной семье (рисунок 5), средние значения длительности пребывания в полной и неполной семье изменились не столь значительно, как это можно было бы ожидать при более чем двукратном росте вероятности прекращения браков вследствие разводов [Захаров 2011]. В поколениях, родившихся в 1950-х гг., длительность пребывания в полной семье составляла 16,5 лет (92% общего бюджета времени жизни ребенка от 0 до 18 лет), а в неполной семье – 1,5 года (8%); для детей, родившихся тридцать лет спустя, соотношение стало 15,6 лет (87%) и 2,4 года (13%). Таким образом, хотя и имеется тенденция к увеличению средней длительности социализации детей в условиях неполной семьи вследствие роста разводимости²¹, но она (по крайней мере, до сегодняшнего времени) сильно тормозилась противоположной тенденцией – существенным повышением вероятности для разведенной женщины вступить в повторный союз и сокращением периода временного одиночества [Захаров 2011].

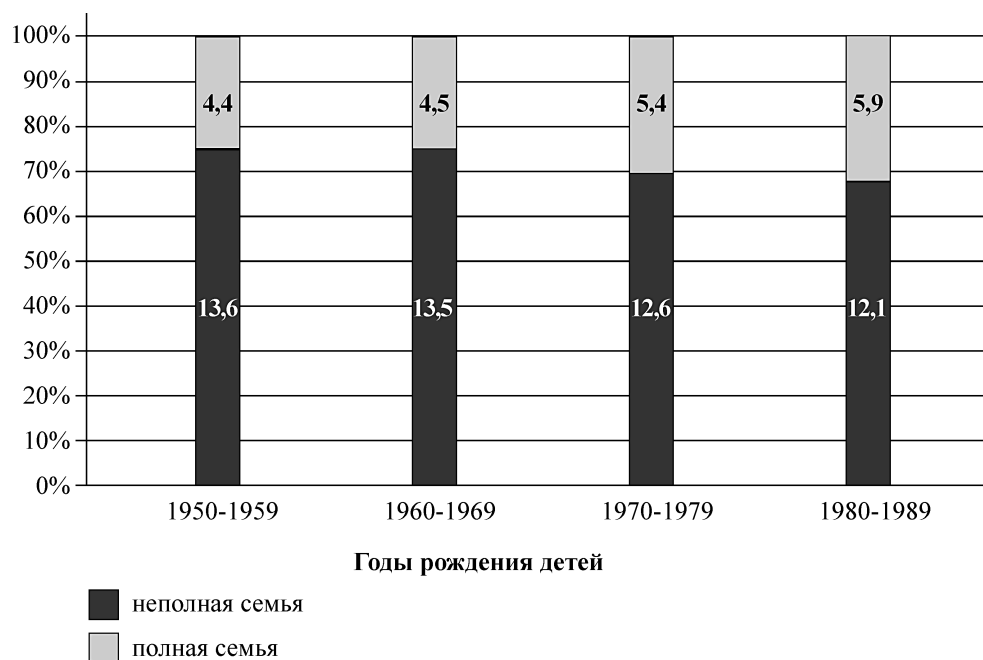

Рисунок 6. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для детей, родившихся у одинокой матери в указанные годы

Примечание: цифрами указанная средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты авторов на основе двух волн исследования РидМиЖ (2004, 2007).

²¹ Среди детей, родившихся в брачно-партнерском союзе в 1971–1975 гг., 10% пережили расставание родителей к возрасту 7 лет, а среди детей, родившихся в 1991–1995 гг., те же 10% имели такой опыт уже к 4 годам. См.: [Бретон, Попова, Приу 2010].

Для ребенка, появившегося на свет в неполной семье (рисунок б), ситуация от поколения к поколению, напротив, улучшалась. Матери-одиночки во все возрастающей пропорции находили себе постоянных партнеров/супругов, и, причем, затрачивали на этот поиск все меньше времени. Так, для детей, родившихся у одиноких матерей в 1950-х гг., медианный возраст обретения «отца» составлял 3,1 года, а для родившихся в 1980-х гг. – 2,2 года. В результате ребенок из поколений 1950-х гг., родившийся у одинокой матери, проводил в среднем 13,6 лет в неполной семье (76% времени жизни от 0 до 18 лет) и 4,4 года в полной семье (24% бюджета времени), а усредненный ребенок из родившихся в 1980- гг., соответственно, 12,1 в неполной семье (67%) и 5,9 года в полной (33%).

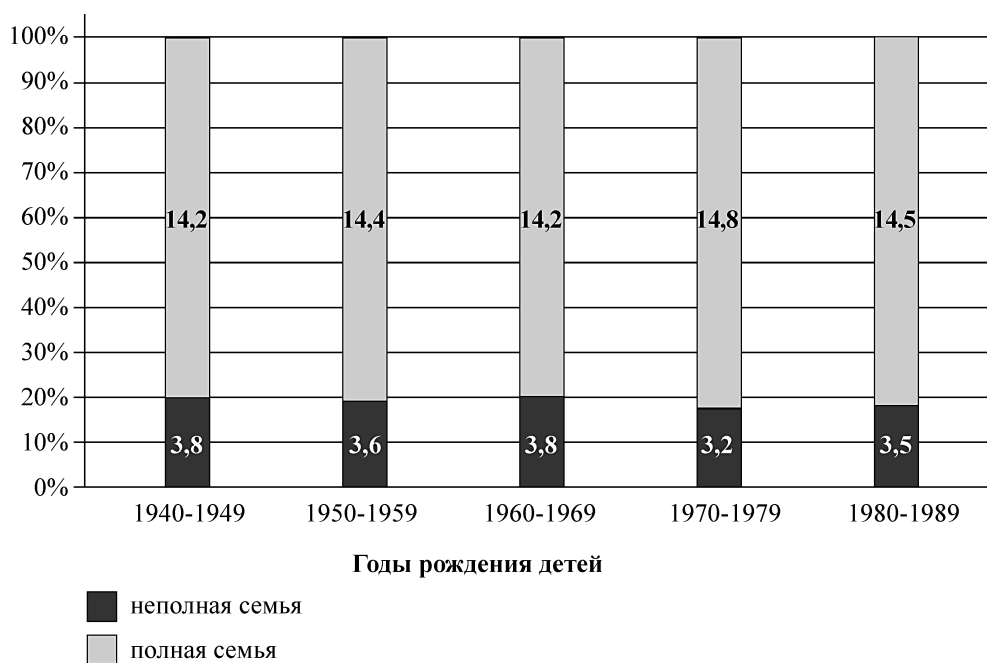

Рисунок 7. Распределение времени, прожитого ребенком от рождения до 18 лет, с учетом воспитания его в полной и неполной семье для всех детей, родившихся в указанные годы

Примечание: цифрами указана средняя длительность пребывания ребенка в полной и неполной семье (лет).

Источник: расчеты авторов на основе двух волн исследования РИДМИЖ (2004, 2007).

Для всех детей, взятых вместе безотносительно того, родились ли они в полной или неполной семье, мы получили неожиданный результат. Применительно к среднему представителю поколений, появившегося на свет в послевоенный период, никаких изменений в соотношении долей времени, проведенных ребенком

в полной и неполной семье, не произошло (рисунок 7). В поколениях россиян, родившихся в 1940–1980-х гг., от 14 до 15 лет (около 80% бюджета времени жизни до 18 лет) приходилось на воспитание в полной семье и от 3 до 4 лет (20%) – в неполной семье. Противоположные тенденции, характерные для детей, родившихся в полной и неполной семье, взаимно компенсировали друг друга, устраняя перекосы, вызванные изменениями в вероятностях родиться в полной семье или у одинокой матери.

Итак, у нас нет оснований говорить, что во второй половине XX в. в целом, или в последних его десятилетиях, мы являлись свидетелями существенных сдвигов в пользу увеличения средней длительности социализации ребенка в условиях неполной семьи. В то же время условия социализации детей становились сложнее и многообразнее, в первую очередь, за счет приобщения все большего числа детей к опыту проживания с отчимом.

Общие выводы

Широко распространенное мнение о неуклонном росте численности матерей-одиночек и числа неполных семей в России не подтверждается проведенным анализом. Направленность изменений их численности неоднозначна, особенно в последние два десятилетия. В то же время незамужние женщины с несовершеннолетними детьми значимо представлены в структуре российских семей, ими воспитывается до четверти всех детей до 18 лет.

Абсолютные и относительные оценки распространенности феномена одинокого материнства зависят от того, кого считать одинокой матерью, и от того, в какой степени действующая практика статистического наблюдения и программы выборочных исследований позволяют их идентифицировать. Так, в России женщины с детьми до 18 лет, которые не имеют в своих домохозяйствах супругов и других родственников, составляют около 12% от всех домохозяйств с детьми того же возраста. Если принять во внимание тех, кто проживает с прочими родственниками, доля одиноких матерей возрастет до 21%. В зависимости от того, с какой совокупностью «одиноких матерей» мы имеем дело, доля детей до 18 лет, воспитываемая ими, составляет от 10% до 25% в общей численности населения несовершеннолетнего возраста (все оценки относятся к 2010 г.).

Одиночество «одиноких матерей» не следует преувеличивать – каждая третья из них поддерживает интенсивные отношения с партнером, проживающим отдельно. Для значительной части женщин – это переходное состояние, которое для одних является более или менее длительным положением, ведущим к окончательному разрыву отношений с прежним супругом, а для других – необходимым этапом создания полной семьи.

При сравнении социально-демографических характеристик одиноких матерей с матерями, воспитывающими детей в супружеском союзе, мы не обнаружили существенных отличий по большинству ключевых индикаторов (уровень образования, место рождения и миграционный статус, степень религиозности, самооценка состояния здоровья и др.). Этот вывод не является неожиданным, поскольку подавляющее большинство одиноких матерей – «выходцы» из состава матерей, состоявших прежде в брачно-партнерских союзах. Смена семейно-брачного

состояния в противоположном направлении – обретение одинокими матерями су-
прыгов – оказывает такое же выравнивающее действие.

В то же время обнаруживаются некоторые специфические черты одиноких
женщин с детьми. Они, как правило, старше по возрасту, имеют больший опыт
смены партнеров, но реже заключают с ними браки, имеют в среднем меньше ког-
да-либо рожденных детей, а их детство чаще омрачалось ранним сиротством. Оди-
нокие матери характеризуются большей вариативностью ценностно-нормативных
ориентаций в области семьи и воспитания детей. Однако главное отличие женщин,
воспитывающих детей в неполной семье, – это существенно более низкий уровень
достатка в их домохозяйствах на фоне повышенной экономической активности
матерей.

Одинокое материнство, если рассматривать его с позиции жизненного цикла
для женщины, есть высоко подвижное, динамическое состояние. В условиях со-
временной России примерно каждая третья женщина, родившая первенца в пол-
ной семье, впоследствии имеет шанс воспитывать его какое-то время в неполной
семье, а каждая третья женщина, ставшая одинокой матерью в момент рождения
первенца, через какое-то время обретает опыт его воспитания в полной семье. Ве-
роятность смены брачно-партнерского состояния в течение жизни неуклонно по-
вышалась в поколениях, формировавших свои семьи в послевоенное время. В ре-
зультате увеличивалась доля женщин, материнство которых протекало в условиях
последовательной смены брачных партнеров, что равно означает относительный
рост числа детей, которые на протяжении своего детства имели опыт социализа-
ции и в полной, и в неполной семье.

Рассматривая одинокое материнство как динамичное состояние, с вероят-
ностями «входа» и «выхода» и длительностью пребывания в этом состоянии, мы
впервые в отечественной практике смогли изучить тенденции средней длительно-
сти воспитания (социализации) несовершеннолетних детей в условиях неполной
семьи на протяжении всего послевоенного времени. Были выявлены две противо-
положные тенденции: а) для ребенка, рожденного в неполной семье, наблюдает-
ся устойчивый тренд повышения средней длительности социализации в полной
семье в силу того, что все большей доле изначально одиноких матерей впослед-
ствии удавалось сформировать устойчивые брачно-партнерские союзы; б) для ре-
бенка, рожденного в полной семье, исторический тренд изменения длительности
социализации в условиях полной и неполной семьи был неустойчивым, но в целом
тяготел к увеличению времени воспитания в неполной семье. В то же время ре-
зультатирующий вектор изменений для всех детей, безотносительно брачного statu-
са матерей в момент их появления на свет, не демонстрирует какой-либо направ-
ленности. Для всех послевоенных поколений средняя длительность социализации
в условиях полной и неполной семьи поддерживалась примерно на одном и том
же уровне. Таким образом, можно констатировать, что с позиции детей главные
изменения, происходившие в последние полвека в России, сводятся к увеличению
вероятности и средней длительности социализации в семье с небологическим
отцом. Условия семейной социализации детей становятся многообразнее, и этот
факт, на наш взгляд, должен привлечь пристальное внимание социологов, психо-
логов и педагогов.

Приложение 1. Родившиеся в браке и вне брака, в том числе по виду регистрации, Россия, 1958–2011 гг.

Год	Всего, тыс.	В том числе родившиеся:		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании, тыс.:		Доля зарегистрированных по заявлению одной матери, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери	
1958	2819,2	2421,1	398,2	14,1	-*	398,2	14,1
1959	2796,2	2407,0	389,3	13,9	-*	389,3	13,9
1960	2782,4	2417,6	364,8	13,1	-*	364,8	13,1
1961	2662,1	2314,6	347,6	13,1	-*	347,6	13,1
1962	2482,5	2160,5	322,1	13,0	-*	322,1	13,0
1963	2331,5	2032,3	299,2	12,8	-*	299,2	12,8
1964	2122,0	1847,3	274,7	12,9	-*	274,7	12,9
1965	1990,5	1732,4	258,2	13,0	-*	258,2	13,0
1966	1957,8	1719,4	238,3	12,2	-*	238,3	12,2
1967	1851,0	1629,1	222,0	12,0	-*	222,0	12,0
1968	1816,5	1630,3	186,3	10,3	-*	186,3	10,3
1969	1847,6	1648,0	199,6	10,8	72,3	127,3	6,9
1970	1903,7	1702,5	201,2	10,6	82,5	118,8	6,2
1971	1974,6	1758,3	216,3	11,0	96,0	120,3	6,1
1972	2014,6	1790,4	224,2	11,1	104,9	119,3	5,9
1973	1994,6	1771,5	223,1	11,2	103,1	120,0	6,0
1974	2079,8	1853,4	226,4	10,9	106,0	120,5	5,8
1975	2106,1	1881,0	225,1	10,7	105,9	119,3	5,7
1976	2146,7	1917,1	229,6	10,7	104,5	125,1	5,8
1977	2156,7	1925,9	230,9	10,7	105,0	125,8	5,8
1978	2179,0	1943,6	235,4	10,8	... **	... **	... **
1979	2178,5	1937,4	241,2	11,1	112,8	128,4	5,9
1980	2202,8	1965,2	237,6	10,8	90,7	146,9	6,7
1981	2236,6	1987,5	249,1	11,1	... **	... **	... **
1982	2328,0	2069,8	258,2	11,1	... **	... **	... **
1983	2478,3	2206,7	271,6	11,0	... **	... **	... **
1984	2409,6	2133,5	276,1	11,5	... **	... **	... **
1985	2375,1	2090,1	285,0	12,0	... **	... **	... **
1986	2485,9	2177,4	308,5	12,4	... **	... **	... **
1987	2500,0	2182,5	317,4	12,7	... **	... **	... **
1988	2348,5	2044,1	304,4	13,0	127,1	177,3	7,5
1989	2160,6	1868,8	291,7	13,5	123,6	168,1	7,8

1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	8,4
1991	1794,6	1506,7	287,9	16,0	118,5	169,4	9,4
1992	1587,6	1315,4	272,3	17,1	112,7	159,6	10,0
1993***	1379,0	1128,3	250,7	18,2	108,5	142,2	10,3
1994***	1408,2	1132,4	275,8	19,6	119,3	156,4	11,1
1995***	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	12,0
1996***	1304,6	1004,8	299,9	23,0	130,1	169,8	13,0
1997***	1259,9	940,8	319,2	25,3	136,8	182,3	14,5
1998***	1283,3	937,4	345,9	27,0	149,7	196,2	15,3
1999***	1214,7	875,4	339,3	27,9	152,0	187,3	15,4
2000***	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	14,8
2001***	1311,6	934,3	377,5	28,8	179,5	197,8	15,1
2002***	1397,0	985,5	411,5	29,5	195,4	216,1	15,5
2003***	1449,5	1018,9	430,7	29,7	208,4	222,3	15,3
2004	1502,5	1055,4	447,1	29,8	214,7	232,4	15,5
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	16,2
2006	1479,6	1048,1	431,5	29,2	189,9	241,6	16,3
2007	1610,1	1159,3	450,8	28,0	195,9	254,9	15,8
2008	1713,9	1253,5	460,4	26,9	202,8	257,6	15,0
2009	1761,7	1302,3	459,3	26,1	200,6	258,8	14,7
2010	1788,9	1344,1	444,9	24,9	199,2	245,7	13,7
2011	1796,6	1355,1	441,5	24,6	205,8	235,7	13,1

* Регистрация новорожденного на основе данного документа не предусматривалась законодательством.

** Централизованная статистическая разработка данных в указанных разрезах не проводилась.

*** Без данных по Чеченской республике.

Источник: [Демографический ежегодник 2010]; неопубликованные данные Росстата и расчеты авторов на их основе.

Литература

Андреев Е.М. (2012) О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики, № 11 (*Andreev E.* (2012) About the Accuracy of Results of the Russian Population Censuses and Trust Degree to Different Sources of Information // *Voprosy Statistiki*. No 11).

Бретон Д., Попова Д., Приу Ф. (2010) Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчи-

- ны и женщины в семье и обществе». Сб. аналитических статей. Вып. 3 / Научн. ред.: С.В. Захаров, Л.М. Прокофьева, О.В. Синявская. М.: НИСП (*Breton D., Popova D., Prioux F.* (2010) Family Dissolution in France and Russia: Current Situation and Evolution of Risks for the Children// *Evolutziya sem'i v Evrope: Vostok-Zapad. Po materialam obsledovaniya "Roditeli i deti, muzhschiny i zhenschiny v sem'e i obshestve"*. Sb. Analiticheskikh statei. Вып. 3 / Nauchn.red. Zakharov S., Prokofieva L., Sinyavskaya O. Moscow. NISP).
- Васильева Э.К.* (1975) Семья и ее функции. М.: Статистика (*Vasilieva E.* (1975) Family and its Functions. Moscow. Statistika).
- Вишневецкий А.Г.* (ред.) (2006) Демографическая модернизация России. М.: Новое издательство (*Vishnevsky A.* (ed) (2006) Demographic Modernization of Russia. Moscow. Noye izdatelstvo).
- Вишневецкий А.Г.* (ред.) (2011) Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Издательский дом ВШЭ (*Vishnevsky A.* (ed) (2011) Population of Russia. Seventeenth Annual Demographic Report. Moscow. Izdatelsky dom HSE).
- Волков А.Г.* (1986) Семья – объект демографии. М.: Мысль (*Volkov A.* (1986) Family – Object of Demography. Moscow. Mysl').
- Волков А.Г., Герасимова И.А.* (1978) Число и состав семей в СССР // Демографические проблемы семьи / Научн. ред. Н.М. Римащевская. М.: Наука (*Volkov A.G., Gerasimova I.A.* (1978) Number and Composition of Families in the USSR // Demographic Problems of Family / Ed. by N.M. Rimashhevskaya. Moscow. Nauka).
- Волков А.Г., Сороко Е.Л.* (1986) Имитационная модель демографического развития семьи // Демографические процессы и их закономерности / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Мысль (*Volkov A., Soroko E.* (1989) Simulation model of demographic development of a family // Demographicheskies processy i ih zakonovernosti / Ed. by Volkov A. Moscow. Mysl').
- Волков А.Г., Сороко Е.Л.* (1988) Имитационная модель динамики семейной структуры населения // Статистика воспроизводственных процессов в экономике / Под ред. Е.Г. Ясина. (Ученые записки по статистике. Т.52.). М.: Наука (*Volkov A., Soroko E.* (1988) Simulation Model of Changes in Family Structure of the Population // Statistika vosproizvodstvennikh processov v ekonomike / Ed. by Yasin E. (Uchenie zapiski po statistike, Vol. 52). Moscow. Nauka).
- Волков А.Г.* (1996) Семейная структура населения России: факторы и тенденции // Российский демографический журнал. № 1 (*Volkov A.* (1996) Family Structure of Russia's Population: Factors and Tendencies // Rossiisky demographicheskij journal. No 1).
- Волков А.Г., Сороко Е.Л.* (1999) Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 г.) // Вопросы статистики. № 9 (*Volkov A., Soroko E.* (1999) Typology of Families and Households in Russia: Development and It's Analysis (According to 1994 Microcensus) // Voprosy statistiki. No 9).
- Герасимова И.А.* (1976) Структура семьи. М.: Статистика (*Gerasimova I.* (1976) Structure of the Family. Moscow. Statistika).
- Гончарова Г.С., Савельев Л.Я.* (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири. Проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Издательство «Нонпарель» (*Goncharova G., Saveliev L.* (2004) The Family and Marriage Relations in Siberia. Problems, Tendencies, Prospects. Novosibirsk. Izdatelstvo "Nonparel").
- Гурко Т.А.* (2000) Вариативность представления в сфере родительства // Социологические исследования. № 11 (*Gurko T.* (2000) Variability of Representation in the Sphere of Parenthood // Sociologicheskies issledovaniya. No 11).
- Дементьева И.Ф.* (2001) Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. № 11 (*Dementieva I.* (2001) Negative Factors of Parenting in an Incomplete Family // Sociologicheskies issledovaniya. No 11).
- Демографический ежегодник России (2010) М.: Росстат (The Demographic Yearbook of Russia (2010). Moscow. Rosstat).

- Захаров С.В. (1) (2007) Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. № 4. (Zakharov S. (2007) The Newest Tendencies of Families Formation in Russia // Mir Rossii. No 4).
- Захаров С.В. (2) (2007) Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып. 1. / Научн. ред.: Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП (Zakharov S.V. (2007) Transformation of Marriage and Partnership in Russia: "Golden Age" of Traditional Marriage Approaches to the End? // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v semje i obshestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Issue 1 / Nauchn.red. Maleva T., Sinyavskaya O. Moscow. NISP).
- Захаров С.В. (2011) Браки и разводы // Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишнеvский. М.: Издательский дом ВШЭ (Zakharov S. (2011) Marriages and Divorces // Population of Russia. Seventeenth Annual Demographic Report / Ed. by Vishnevsky A. Moscow. Izdatelsky dom HSE).
- Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. (1998) Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС (Zdravomyslova O., Arutjunyan M. (1998) Russian Family on the European Background. Moscow. Editorial URSS).
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. (1981) Том VI, Часть II «Состав семей, распределение членов семей и одиночек по возрасту». М.: ЦСУ СССР (Results of Population Census 1979. (1981). Vol. 5, Part 2. "Structure of families, distribution of members of families and singles by age". Moscow. CSU USSR).
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (2005) Т. 6 «Численность и состав домохозяйств». М.: ИИЦ «Статистика России» (Results of Population Census 2002 (2005) Vol. 6. "Number and structure of households". Moscow. IIZ "Statistila Rossii").
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. (2012) Т. 6 «Число и состав домохозяйств» М.: Федеральная служба государственной статистики (Results of Population Census 2010 (2012) Vol. 6. "Number and structure of households". Moscow. Federal State Statistics Service).
- Калабихина И.Е. (2004) Гендерные вопросы в России в конце XX века. Фокус-групповое исследование в городской и сельской местности. М.: Акисфлат. (Kalabikhina I. (2004) Gender Issues in Transition. Urban and Rural Russia. Moscow. Akisflat).
- Карпетян А.Х., Голуб Л.А., Карпетян С.А., Шахпаронян А.В. (1978) Блочная модель семейной структуры и ее приложения // Демографические проблемы семьи / Научн. ред. Н.М. Римашевская. М.: Наука (Karapetyan A.H., Golub L.A., Karapetyan S.A., Shakhparonyan A.V. (1978) Block Model of the Family Structure and its Applications // Demographic Problems of Family / Ed. By N.M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka).
- Киблицкая М.А. (1999) Исповеди одиноких матерей: социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике с использованием этнографических методов. М.: Эслан (Kiblitzkaya M. (1999) Confessions of Lonely Mothers: the Sociological Analysis of Strategy of Survival and Violations of the Rights of Lone Mothers in a Transitional Economy Using Anthropological Approach. Moscow. Eslan).
- Луныкова Л. (2004) «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение (Lunyakova L. (2004) "It Would Better to Bring up the Child of one Rather than to Feed the Husband": social portrait of maternal families // Semeinie usy / Ed. By Ushkin S. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie).
- Малева Т.М., Овчарова Л.Н. (ред.) 2010 Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации. М.: Издательство «Дело» (Maleva T.M., Ovcharova L.N. (eds.) 2010 Social Support: Lessons of Crisis and Vector of Modernization. Moscow. "Delo" Publishing house).
- Мухеева А.Р. (2012) Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН (Mikheeva A. (2012) The Person in the Sphere of Private Life: Vectors of Transformation of the Family Relations. Novosibirsk. IEOPP SO RAN).

- Прокофьева Л.М.* (2007) Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. /Научн. ред.: Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП (*Prokofeva L.* (2007) Household and Family: Features of Structure of the Population in Russia // Roditeli I deti, muzhchiny i zhenshiny v semje I obshestve. Po materialam odnogo issledovanija. Sb. Analiticheskikh statei. Issue 1. / Nauchn.red. Maleva T., Sinyavskaya O. Moscow. NISP).
- Прокофьева Л.М., Фести П.* (2008) Семейная солидарность уже не такая, как прежде: игра воображения или реальность? // Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход. Document de travail. Studies. INED, № 152 (*Prokofieva L., Festi P.* (2008) Family Solidarity is not as before: Freak of the Imagination or Reality? // Izmerenie, Formy I factory bednosti. Sravnitel'nyy podkhod. Document de travail. Studies. INED. No 152).
- Ренье-Луалье А., Валетас М., Корчагина И., Прокофьева Л., Баублите М., Станкуниене В.* (2010) Дети после распада брака родителей во Франции, России и Литве: отличаются ли отношения детей с отцом и матерью? // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Сб. аналитических статей. Вып.3. / Научн. ред.: С.В. Захаров, Л.М. Прокофьева, О.В. Синявская. М.: НИСП (*Regnier-Loilier A., Valetas M., Korchagina I., Prokofieva L., Baublite M., Stankuniene V.* (2010) Children after their Parents' Separation in France, Russia and Lithuania: Differences in Relations with the Mother and Father? // Evolutsija sem'i v Evrope: Vostok-Zapad. Po materialam obsledovanija "Roditeli I deti, muzhschiny I zhenshiny v sem'e I obshestve". Sb. Analiticheskikh statei. Vyp.3/ Nauchn.red. Zakharov S., Prokofieva L., Sinyavskaya O. Moscow. NISP).
- Роцин С.Ю., Роцина Я.М.* (2007) Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ // Мир России. № 4 (*Roschin S., Roschina Y.* (2007) Marriage and Divorce in Modern Russia: Microeconomic Analysis // Mir Rossii. No 4).
- Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* (1983) Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика (*Ruzhe V.L., Eliseeva I.I., Kadibur T.C.* (1983) Structure and Functions of Family Groups. Moscow. Finansy I Statistika).
- Семья в России. Статистический сборник (2008). М.: Росстат (Family in Russia. Statistical collection (2008). Moscow. Rosstat).
- Синельников А.Б.* (2006) Типы семей и демографическая политика в России // Демографические исследования. № 4 // http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=418 (*Sinelnikov A.* (2006) Types of Families and Demographic Policy in Russia // Demographicheskie Issledovanija No 4 // http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=418).
- Чиновники хотят повысить пошлину за развод (2013) // РБК daily. 29.03.2013 <http://www.rbcdaily.ru/society/562949986393322> (Officials Want to Raise the Tax on Divorce (2013) // RBC daily. 29.03.2013 <http://www.rbcdaily.ru/society/562949986393322>).
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* (2004) Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. Т. 13. № 2 (*Yarskaya-Smirnova E., Romanov P.* (2004) Social Security of Monoparental Family in the City // Mir Rossii, Vol.13. No 2).
- Alich D.* (2007) Differences between Male and Female Fertility in Russia: an Evaluation of Basic Pattern and Data Quality Using the First Wave of the Russian GGS. MPIDR Working Paper WP-2007-015. Rostock (Germany), 2007 // <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-015.pdf>
- González L.* (2005) The Determinants of the Prevalence of Single Mothers: A Cross-Country Analysis. IZA Discussion Paper No. 1677, 2005 http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp_id=1677